

Кумыкова Дина Мухарбиевна

ОБ УСТОЙЧИВОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА)

В статье рассматривается выражение категории числа в русских терских говорах Кабардино-Балкарской Республики. Выявлено, что специфические диалектные особенности выражения множественного числа при общем влиянии литературного языка все еще проявляют относительную устойчивость в речи старшего поколения носителей говоров. При этом непарность по числу остается в говорах более редким явлением, чем в литературном языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 110-112. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'282.2

Филологические науки

В статье рассматривается выражение категории числа в русских терских говорах Кабардино-Балкарской Республики. Выявлено, что специфические диалектные особенности выражения множественного числа при общем влиянии литературного языка все еще проявляют относительную устойчивость в речи старшего поколения носителей говоров. При этом непарность по числу остается в говорах более редким явлением, чем в литературном языке.

Ключевые слова и фразы: говоры вторичного образования; русские терские говоры; литературный язык; морфологическая система; категория числа.

Кумыкова Дина Мухарбиевна, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
dina07-09@mail.ru

**ОБ УСТОЙЧИВОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОВОРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА)[©]**

Мощные глобализационные процессы, характеризующие современный мир в последние десятилетия, находят отражение и в развитии языков, способствуя появлению в них общих закономерностей. В высокоразвитых языках в ответ на интеграционные процессы, вызванные глобализацией, срабатывает своеобразный «инстинкт самосохранения» через отторжение иноязычной «экспансии» и активизацию процессов дифференциации. Языки более низкого коммуникативного статуса [3], к которым можно отнести и диалекты, подвергаясь внутриязыковой интеграции – влиянию литературного языка и через него – иностранных языков, – постепенно теряют свои исконные особенности и оказываются перед угрозой исчезновения. Говоры территорий позднего заселения, исторически находящиеся в окружении иноязычного субстрата, в еще большей степени испытывают на себе влияние данных факторов [1].

Объект нашего исследования – русские терские говоры Кабардино-Балкарской Республики – говоры вторичного образования, формирование которых началось с конца XVIII в. вместе с появлением на Северном Кавказе первых переселенцев из южных областей России и Украины [5, с. 215-217; 8, с. 21-45]. Особенности, развившиеся в них в результате длительного смешения разных диалектных основ и контактирования с языками народов, в окружении которых оказались переселенцы, остаются все еще недостаточно изученными. Экстралингвистические факторы формирования и функционирования данных говоров рассматривались в работах [5; 11], фонетика, лексика и словообразование – в [9; 10; 11; 12]. Морфологическая и синтаксическая системы русских терских говоров изучены в меньшей степени [4; 6; 7, с. 474]. Можно предположить, что на грамматическом уровне интеграционные явления проявляются не столь ярко. В связи с этим особый характер приобретает вопрос об устойчивости морфологической и синтаксической систем говоров. В качестве иллюстрации рассмотрим особенности выражения категории числа в русских терских говорах, что, на наш взгляд, позволит составить общее представление о процессах, присущих говорам русского языка в целом.

Материалом исследования послужили диалектные данные, полученные в ходе экспедиций в ст. Екатериноградская, Солдатская, Приближная Прохладненского района Кабардино-Балкарской Республики в 1999-2010 гг.

Как и в литературном языке, все существительные в говорах делятся по признаку грамматического числа на два класса: на существительные единственного и множественного числа. Формы единственного и множественного числа в говорах отличаются друг от друга: окончаниями (*лось – лоси*), местом ударения (*дом – дома*), основами (*брат – братья, братовья*). Первые два соотношения при этом являются для говоров обычными, часто совпадают с литературным языком; последнее в говорах значительно разнообразнее, чем в литературном языке.

Основы существительных множественного числа, как правило, находятся в одном из регулярных отношений к основам существительных единственного числа, обозначающих одни и те же предметы или явления. Рассмотрим основные для исследуемых говоров соотношения основ единственного и множественного числа.

1. Основа множественного числа равна основе единственного числа (*книга – книги, бык – быки, поле – поля*). Множественное число в говорах представлено окончаниями – **-ы/и, -а/-я**. Функциональная нагрузка окончания **-ы/-и** у имен мужского и среднего рода в русских терских говорах значительно шире, чем в литературном языке. Причем показательно, что в говорах это окончание, как правило, является ударным.

Окончание **-ы/-и** встречается в следующих случаях:

1. В именах женского рода мн.ч. ударение **-ы/-и** употребляется так же регулярно, как и в литературном языке, отличаясь только тем, что в говорах чаще используется под ударением: *Старосты сидять* (ст. Солдатская, Сацук, 1909) (*Здесь и далее мы указываем место записи, фамилию и год рождения информанта – Д. К.*).

2. В категориях слов мужского и среднего рода окончание **-ы/-и** представлено последовательно: *погребы, плуги, братья, учителя, сёлы, болоты* и т.п. Часто различие диалектных и литературных форм только акцентуационное: *Кинжалы у них были* (ст. Солдатская, Сацук, 1909); *Женщинам платки давали, мужчинам – кисяты* (ст. Приближная, Елисеева, 1905); *Таранка была, сазаны водились в Малки* (ст. Солдатская, Сацук, 1909); *урьяны выше домов росли* (ст. Екатериноградская, Ситникова, 1916); *Прышли вечером сваты* (ст. Солдатская, Пахомова, 1921).

Морфема **-а/-я** используется в разных классах имен:

1. Отмечается регулярное употребление данного окончания в именах мужского рода: *стога, ветра, волоса, колодезя*.

2. В существительных среднего рода: *поля, ведра, дерева* (фольк.) и *дерева, зёрна* и т.п.

3. Охватывает имена женского рода: *дочерья, матерья, площадь*.

Следует отметить, что морфема **-а/-я**, выступающая в ударном положении, как правило, в говорах является показателем обобщенной множественности, интенсивности, несчитаемости (*кругом стена; боя здесь или страшные*), собирательности (*ветра, леса*).

2. Основа множественного числа равна основе единственного числа + суффикс **-j-**: *зуб – зубья, корень – коренья, волос – волосья, лист – листья* и т.д. При этом у существительных с основой единственного числа на твердый (не шипящий) согласный наблюдаются те или иные чередования конечного гласного основы: *сук – сучья* и т.п. Многие термины родства, для которых характерна основа множественного числа на **-j-** (*братья, зятья, сватья, дядья, деверья*), имеют здесь основу, равную основе единственного числа (*брат – братья, зять – зяти, сват – сваты, дядя – дяди, деверь – девери*). Данное соотношение охватывает и некоторые существительные женского рода (*мать, матерья, дочь, дочерья, лошадь – лошадыя*). Как и в литературном языке – существительные среднего рода: *перо – перья, крыло – крылья* и т.д.

Заметим, что существительные с суффиксом **-j-** *матерья, дочерья*, широко представленные в русских терских говорах, характерны для многих говоров южных областей России (Воронежской, Пензенской, Тамбовской), а также – для части рязанских говоров [2, с. 96].

3. Основа множественного числа равна основе единственного числа + суффикс **-ов/-ев-**. Подобное соотношение особенно широко отмечено при названии лиц мужского рода по признакам родства: *сыновья, сватовья, кумовья* и т.п.

В исследуемых говорах наблюдается соотношение формы единственного числа с несколькими формами множественного числа. *рат – братья – братья – братовья*: *А на свайбе братья не гуляют* (ст. Екатериноградская, Черкасова, 1927); *Они жили – три фамилии подряд – братья что ли* (ст. Екатериноградская, Шатова, 1907); *Ну и собрала своих сестер, братьёв, стол накрыла, попросила деньги взаймы* (ст. Екатериноградская, Вельчева, 1923); *Прыехали братовья все* (ст. Приближная, Елисеева, 1905). *Сват – сваты – сватья (и сватья) – сватовья*: *Старычки понравятся друг другу, сваты – давай детей поженить* (ст. Екатериноградская, Черкасова, 1927); *Прыхают сваты – отец-мать, кто еще? Сватья еще прыхают с ними – это отец-мать засылают сватов, каких они назначают там, своих ли, чужих* (ст. Солдатская, Сухотько, 1917); *Сватовья сидят, а энти стоят* (ст. Приближная, Елисеева, 1905). *Зуб – зубы* (и реже: *зубы*) – *зубья*: *Зубы все повыпадали* (ст. Екатериноградская, Шатова, 1907); *Зубья отломилися у грабли* (ст. Солдатская, Пахомова, 1921). *Сын – сыны – сыновья*: *Если сыны есть – они, а если уже нет сынов, она, казачка, уже сама все ж делает* (ст. Солдатская, Пахомова, 1921); *Сыны повыросли* (ст. Приближная, Лашина, 1910); *Сыновья все там, там их хвартыры* (ст. Екатериноградская, Щербакова, 1910).

Исследователями замечено, что в западных и юго-западных говорах, граничащих с белорусским и украинским языками, у существительного *сын* в большей степени представлено первое соотношение основ единственного и множественного числа (*сын – сыны*) [Там же, с. 97].

Наличие нескольких форм множественного числа часто связано с семантическим наполнением имен: ср.: *сватья, сватовья* – «родственники мужа и жены», тогда как *сваты* – форма множественного числа от *сват*; *братья, братья, братовья* – «родственники, родня», в то время как диалектное *братья*, как и литературное, является формой множественного числа существительного *брат*. *Зубы* – у живых объектов и *зубья* – у инструмента, хотя в редких случаях в говорах наблюдается смешение: *А зубья все последние потеряла, рожала када. Молодуха, а есть вже нечем – зубов нема* (ст. Приближная, Елисеева, 1905). Следует заметить, что формы с **-j-** в основе обозначают множество с оттенком собирательности.

4. Основа множественного числа имеет суффикс **-ат-** в соответствии с суффиксом **-'онок** в единственном числе (*ребенок – ребята, теленок – телята, утенок – утятя* и т.п.). Диалектной спецификой является широко распространенное в терских говорах окончание **-ы** (вместо литературного **-а**) в словах типа *ребяты, девчаты, утятя, теляты* и т.д.

5. Основа множественного числа имеет суффикс **-'ок, -'ат** в соответствии с суффиксом **-онок** в единственном числе: *волчонок – волченята, мышонок – мышенята, гусенок – гусенята* и т.д. Данный тип соотношения основ, встречающийся в основном в словах, обозначающих детёнышей либо мелких животных, распространен также в части западных и юго-западных областей России [Там же, с. 98].

6. Основа множественного числа равна основе единственного числа без суффикса **-ин-**: *крестьянин – крестьяны*. Диалектный материал свидетельствует о лексико-семантической определенности таких соотношений: они встречаются при названии лиц по месту жительства, происхождению или социальному положению: *нальчани, прохлод(н)яни, хуторяны* и т.п.

Интересно проявление числа у существительных *singularia tantum*. В исследуемых говорах, в отличие от литературного языка, данная категория существительных обнаруживает способность к обозначению как единичности, так и множественности (*жара – диал. жара и жары; литер. опилки – диал. опилки и опилка; лит. заморозки – диал. заморозки и заморозка, лит. сливки – диал. Сливка*) (*Сливка сама остается на молоке*) (ст. Екатериноградская, Кривко, 1907).

Как свидетельствуют примеры, в русских терских говорах, в отличие от литературного языка, в форме множественного числа могут употребляться: 1) существительные – названия игр, типа *футбол*, *хоккей* и т.д. (*В мечик кидали, футболов никаких не понимали, ребята в рюхи, девки в мечик играли* (ст. Екатериноградская, Кривко, 1907)); 2) существительные с вещественными значениями: *квасы ставили, узвары варили; смятаны снимали*; 3) существительные – названия ягод, овощей, злаков: *клеверы убрали, горохи сеяли*; 4) существительные с отвлеченным значением часто имеют форму множественного числа в связи с меньшей, чем в литературном языке, абстрактностью значения: *Ну, какие тут веселья?! Жары сильные стояли*.

Форму множественного числа в говорах могут иметь слова, обозначающие нерасчлененную единичность, типа *пенсия*: *Все эти годы, все месяца я пенсии получала* (ст. Екатериноградская, Вельчева, 1923).

Следует обратить внимание и на существительные парного рода типа *брюки, ножницы, сани* и неизменяемые существительные типа *пальто, кофе* и т.д. Категория числа у данного разряда существительных в говорах проявляется своеобразно. Отсутствие у существительных парного рода формальных внутрисловных средств для выражения реальной единичности, множественности, подкрепленное отсутствием регламентирующей языковой нормы в диалектах, создает благоприятную почву для широкого использования в говорах существительных парного рода в единственном числе: *А свекровь взяла дареные клочки и ножницами порезала – а я плакать боюсь* (ст. Екатериноградская, Черкасова, 1927).

Несклоняемые существительные (чаще – заимствованные), в отличие от литературного языка, в говорах могут иметь формальные внутрисловные средства для выражения числа: лит. *пальто* (ед. и мн.ч.) – диал. *польша* (мн.ч.) (*Польша не было тогда, без польта было* (ст. Солдатская, Сацук, 1909)). Лит. *кино* (ед. и мн.) – диал. *кино* (ед.ч.), *кина* (мн.ч.) (*Кина у клубе показывали – и мы бежали туда* (ст. Екатериноградская, Вельчева, 1923)). В то же время собственно диалектные несклоняемые существительные *ибагу* (наволочка для матраса), *дуду* (удод) независимо от обозначаемого ими числа предметов в контексте не меняют формы: *У дуду хохолок на голове; прылетели дуду; сшила на всю семью ибагу...* (ст. Екатериноградская, Шатова, 1907). Отметим, что подобное употребление в настоящее время встречается не столь часто, поскольку собственно диалектная лексика остается в речи лишь небольшого числа носителей говоров старшего поколения.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в настоящее время специфические диалектные особенности выражения множественного числа при общем влиянии литературного языка все еще проявляют относительную устойчивость в речи старшего поколения носителей говоров. При этом, как и во всех говорах русского языка, непарность по числу остается более редким явлением, чем в литературном языке.

Список литературы

1. **Архипова Н. Г.** Говоры старообрядцев – семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32). Ч. I. С. 30-33.
2. **Бромлей С. В., Булатова Л. Н.** Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. С. 32-126.
3. **Кирилина А. В., Гриценко Е. С., Лалетина А. О.** Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. М., 2012. № 1 (15). С. 18-37.
4. **Кумыкова Д. М.** О некоторых особенностях морфологической системы русских терских говоров (категория рода) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2000. С. 94-96.
5. **Кумыкова Д. М.** О некоторых особенностях развития русских терских говоров Кабардино-Балкарии // Русское народное слово в языке и речи. Арзамас – Саров: СГТ, 2009. С. 215-219.
6. **Кумыкова Д. М.** О склонении диалектных имен существительных (на материале русских терских говоров ст. Екатериноградской, Приближенной, Солдатской КБР) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. 13. С. 164-182.
7. **Кумыкова Д. М.** Об одной синтаксической особенности русских терских казачьих говоров Кабардино-Балкарии // VI Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, 2005.
8. **Тхамокова И. Х.** Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 240 с.
9. **Яковлева Г. А.** Заметки о лексических и словообразовательных особенностях русских говоров терского казачества // Ученые записки КБГУ. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. Вып. 25. С. 33-68.
10. **Яковлева Г. А.** Русские говоры КБАССР // Ученые записки КБГУ. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. Вып. 6. С. 53-60.
11. **Яковлева Г. А.** Русские терские казачьи говоры Северного Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2000. 128 с.
12. **Яковлева Г. А.** Словарь русских терских говоров. Нальчик: Изд-во КБГУ, 1985. 148 с.

ON STABILITY OF DIALECTS MORPHOLOGICAL SYSTEM (BY THE MATERIAL OF NUMBER CATEGORY)

Kumykova Dina Mukharbievna, Ph. D. in Philology

Institute for Humanities Research of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
dina07-09@mail.ru

The article considers the expression of number category in the Russian Terek dialects of the Kabardino-Balkar Republic. It is revealed that the specific dialect features of expressing plural number at the overall influence of literary language still show the relative stability in the speech of the older generation of dialects speakers. In this case the oddness by number remains more seldom phenomenon in the dialects than in the literary language.

Key words and phrases: secondary formation dialects; the Russian Terek dialects; literary language; morphological system; number category.